

Юрий Григорьев

Последний император России. Тайна гибели

Юрий Григорьев

**Последний император
России. Тайна гибели**

«Издательство АСТ»

2009

Григорьев Ю.

Последний император России. Тайна гибели / Ю. Григорьев —
«Издательство АСТ», 2009

Уникальное расследование, проведенное автором – судмедэкспертом, позволяет ему сделать вывод: трупы убитых в Ипатьевском доме членов семьи Романовых были сожжены, а екатеринбургское захоронение – фальсификация. Воссоздавая по крупицам картину происшедшего, автор не просто создает у читателя эффект присутствия в печально известном Ипатьевском доме во время подготовки и совершения кровавой бойни, он проводит глубокий анализ документов, материалов официальных расследований, трудов историков и поисковиков. При этом, шаг за шагом прослеживая гибель династии Романовых и раскрывая истинный ход событий, он приводит новые, оставшиеся незамеченными его предшественниками факты.

© Григорьев Ю., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Вступление	5
Глава 1	12
Последние пятнадцать минут	17
Как они были одеты?	19
Подушки, собачка, сумочка	21
Комната	22
«Встать в один ряд!»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Григорьев

Последний император России

Тайна гибели

Вступление

В ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в Доме особого назначения, как называли большевики особняк Ипатьева во время содержания в нем семьи Романовых, раздались выстрелы. Их слышал, в частности, крестьянин Ф. Я. Буйвид, житель дома Попова, располагавшегося напротив ипатьевского особняка:

«...около 12 часов ночи я вышел во двор... Через некоторое время я услышал глухие залпы, их было около 15, а затем отдельные выстрелы, их было 3 или 4, но эти выстрелы были не из винтовок произведены: было это после двух часов ночи; выстрелы были от ипатьевского дома и по звуку глухие, как бы произведенные в подвале. После этого я быстро ушел к себе в комнату».

Через несколько дней, 23 июля, большевики объявили о расстреле бывшего российского императора Николая II, «виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом», и об эвакуации из Екатеринбурга его семьи «в интересах обеспечения общественного спокойствия».

В ночь на 25 июля большевики отступили из города, и в него вошли части полковника Войцеховского. В тот же день офицеры Сибирской армии обнаружили, что в особняке Ипатьева, который большевики превратили в тюрьму для последнего российского императора и членов его семьи, узников нет, а обстановка в доме свидетельствует о том, что здесь было совершено убийство.

Начались поиски. Сначала это было инициативой офицеров, а затем начальник гарнизона генерал-майор Голицын создал особую комиссию под председательством полковника Шереховского. В ее состав входил судебный следователь А. П. Наметкин. Одновременно, по распоряжению Голицына, к работе приступил и Екатеринбургский военно-уголовный розыск. С 29 июля это уже было официальное предварительное следствие, вести которое поручили А. П. Наметкину. 7 августа дело было передано тоже члену суда И. А. Сергееву.

Расследование шло достаточно вяло, пока его 7 февраля 1919 года не принял к своему производству Н. А. Соколов. Он вел его по 14 июля 1919, пока работу не прервало наступление Красной Армии.

Суммарным итогом всех этапов расследования стала сложившаяся картина событий, которые начались в ночь на 17 июля в Доме особого назначения и завершились 19 июля в лесу под Екатеринбургом. В общем и целом эта картина выглядела следующим образом.

После расстрела трупы вывезли на грузовике в лес. Там большевики выставили оцепление и под страхом смерти не пропускали никого посторонних, коими были, главным образом, крестьяне близлежащей деревни Коптяки. Эти крестьяне слышали в лесу несколько взрывов гранат. Двумя днями позже, когда оцепление сняли, а большевики отступили из Екатеринбурга, коптяковские крестьяне пришли посмотреть, что же так тщательно охраняли комиссары в течение двух суток. Любопытные поисковики обнаружили кострища, в которых и возле которых нашли драгоценности. Вывод был однозначен: здесь сжигали трупы узников Ипатьевского дома.

Когда об этом стало известно властям, в лес приехали офицеры Сибирской армии, обследовали кострища около ближайших шахт, но трупов не обнаружили. При последующем глубо-

ком исследовании района, включавшем откачку воды из всех находящихся в нем шахт, откачку воды из водоема (Ганиной ямы), было обнаружено большое количество фрагментов тканей одежды, фурнитуры, целых и разрушенных драгоценностей, фрагменты костей, много пуль и свинцовых сердечников от них.

Итогом изучения места происшествия стало заключение о том, что около шахты вблизи от Ганиной ямы трупы последнего российского императора и членов его семьи были раздеты и расчленены, после чего их сожгли вместе с одеждой.

В ходе следствия не были оставлены без внимания возникшие вопросы: возможно ли было полное сжигание тел? И почему не обнаружено ни одного зуба? (Как известно, зубы горят очень плохо, и при сжигании одиннадцати тел какая-то часть зубов не могла не сохраниться. Однако не было обнаружено ни одного).

Н. Соколов пришел к выводу: это произошло потому, что головы жертв не сжигались: они были отделены и... отправлены в Москву. Он привел весомые доказательства в пользу своего предположения.

Доказательство первое: следы рубящего воздействия на обнаруженных возле шахты предметах и их частях, принадлежность которых членам семьи последнего российского императора была установлена.

Доказательство номер два: после убийства председатель Уралсовета Ш. Голощекин убыл на поезде в Москву, увозя с собой большие ящики.

И, наконец, третье: после прибытия Голощекина в Москву там распространились слухи о том, что В. Ленину доставили голову царя. Стало известно высказывание одного из большевистских чиновников: «Ну теперь жизнь обеспечена: поедem в Америку и будем там демонстрировать в кинематографах головы Романовых».

Сразу же после объявления большевиками о расстреле царя и вывозе его семьи из Екатеринбурга под предлогом «обеспечения общественного спокойствия» советская власть стала получать официальные запросы. В частности, судьбой императрицы как принцессы германской крови и судьбой ее детей интересовались власти Германии. Советская власть не желала признаваться, что убила всю семью. Точно так же представители советской власти вели себя и при неофициальных запросах. Известен ответ П. Войкова, посла Советской России в Польше: «Мир об этом никогда не узнает».

И всё это притом, что в ходе следственных действий на месте происшествия Н. Соколов получил доказательства уничтожения трупов путем сожжения. И хотя эти доказательства были косвенными, они давали основание для такого вывода. Кроме того, имелись многочисленные свидетельские показания. Так, во время отступления из Екатеринбурга пьяные бойцы карательного отряда Петра Ермакова, одного из установленных участников кровавых событий, связанных с семьей Романовых, говорили подвозившим их крестьянам: «Мы вашего Николку и всех там пожгли». Допрошенный в ходе следствия большевик А. Валек (арестован в тылу Белой армии) говорил Н. Соколову, что слышал своими ушами, как однажды в ответ на вопрос одного из любопытствующих большевиков Ш. Голощекин сказал о сожжении тел. По словам А. Валека, об уничтожении тел семьи Романовых путем сожжения ему говорили и другие большевистские деятели. Были и иные свидетельства, подтверждающие факт сожжения.

Несмотря на это советская власть, за исключением ранних ответов на официальные запросы, продолжала хранить молчание. В 1925 году в Париже вышла книга Н. Соколова «Убийство царской семьи», где он обобщил результаты своего многолетнего расследования екатеринбургской трагедии. Мир получил веские доказательства того, как советская власть готовила уничтожение членов дома Романовых, и узнал правду о чудовищном зверстве, с которым большевики расправились с узниками Дома особого назначения.

С Н. Соколовым согласились тогда не все. Основанные главным образом на косвенных доказательствах, выводы следователя позволяли сомневаться как тем, кто не хотел верить в

безвозвратную утрату царственных останков, так и тем, кто стоял на защите официальной большевистской версии. Бесспорным подтверждением одной и опровержением другой, противоположной ей версии могли стать только останки. Хотя бы одна-единственная часть тела одного из семьи Романовых. Но обязательно узнаваемая часть. А такого доказательства у Н. Соколова не было. В его распоряжении были немногие обгорелые косточки, но он не мог доказать не только их принадлежность кому-то из Романовых, но даже принадлежность человеку.

Это обстоятельство, а также то, что работа следствия на месте происшествия не была доведена до конца, стало причиной критики выводов Н. Соколова и в итоге привело к тому, что ни сразу после выхода в свет книги, ни через десятилетия после него точка в деле об екатеринбургских заложниках не была поставлена.

Тем не менее результаты выполненного Н. Соколовым расследования вынудили советскую власть признать факт уничтожения в ипатьевском доме не одного только Николая Александровича Романова (как это было официально объявлено), но и всей его семьи, а также находившейся с ними прислуги. Но что касается всего остального, то советская власть еще долго с необъяснимым упрямством продолжала хранить молчание. Тем не менее настало время, когда ей все же пришлось признать очевидное. А вслед за этим объяснить, как это было и куда делись тела убитых.

В 1976 году в Советском Союзе появляется книга М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Обстоятельства убийства и сокрытия останков изложены в ней с предельной краткостью: на трех страницах из пятисот. Заказной характер произведения обозначен в аннотации: «Книга... дает достойный отпор буржуазным фальсификаторам». Ответ на главный вопрос, что сделали с трупами, в изложении М. Касвинова звучит так: «Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в болоте».

В чем заключался отпор «буржуазным фальсификаторам», понять сложно. Они, эти самые «буржуазные фальсификаторы», с самого начала как раз и утверждали, что в ипатьевском доме были убиты все его узники, а не один только Николай Александрович. Они, «буржуазные фальсификаторы», как раз и говорили о том, что трупы убитых были сожжены в коптяковском лесу. Это советская власть вопреки фактам, логике и здравому смыслу многие годы не желала признать содеянное. Но такова уж природа этой власти.

Книга М. Касвинова появилась, конечно же, не случайно. Случайности в подобных делах в Советском Союзе исключались. Выходом книги власть стремилась погасить интерес к судьбе последнего императора и его семьи, положить конец так называемым «несанкционированным» поискам останков. И эта цель могла быть достигнута, если бы, сделав первый шаг – признав убийство семьи и попытки уничтожения трупов, власть сделала второй – предъявила миру то, что осталось от Романовых и их слуг. Но второй шаг для кремлевских вождей был невозможен. Потому что он повлек бы за собой следующий: достойное захоронение останков. А такое для правящего режима было недопустимо.

Книга М. Касвинова не выполнила своего предназначения. Она не погасила интерес к екатеринбургским событиям. Многолетняя привычка не доверять власти и отсутствие доказательств официальной версии не позволили тем, кому небезразлична правда о нашей истории, принять официальную версию. Одни вовсе не поверили в сожжение трупов и продолжали их поиски. Другие, признав сожжение, хотели найти хотя бы то небольшое, что не могло не уцелеть в огне.

В самом конце XX века появились признаки того, что тайна гибели членов царской семьи и исчезновения их останков скоро откроется. В эпоху перестройки и гласности издательства публикуют книги Н. Соколова, М. Дитерихса, других авторов. Появляется знаменитая «Записка» Якова Юровского. Начинается то, что позднее будет названо «романовским бумом»: интерес к царским останкам вспыхивает с новой силой. В стране возникают новые

группы активных поисковиков, которые не без риска для себя ведут самостоятельные изыскания в Коптяковском лесу.

Серьезный прорыв произошел еще в 1979 году. Екатеринбургский геолог А. Авдонин, кинорежиссер Г. Рябов и их товарищи после многих лет негласных поисков обнаруживают в Поросенковом логе у Коптяковского леса три черепа, которые, по их мнению, принадлежат семье последнего российского императора. Группа пытается провести неофициальное судебно-медицинское исследование с целью их идентификации. Но усилия поисковиков заканчиваются ничем, и в 1980 году они возвращают черепа в могилу. Г. Рябов, А. Авдонин и их соратники понимают, что заявлять вслух о своей находке еще рано. Они договариваются молчать, пока не наступят более благоприятные времена.

Но тайна рвется наружу. Единства внутри группы уже нет. Каждый из хранителей тайны не доверяет своим соратникам. Каждый из них подозревает друг друга в тайном желании стать автором сенсации. И вскоре неизбежное становится свершившимся фактом.

В 1989 году кинорежиссер Гелий Рябов в интервью газете «Московские новости» объявляет, что захоронение царской семьи найдено. В 1990 году другой участник поисковой группы А. Авдонин обращается к президенту России Б. Н. Ельцину с просьбой предупредить возможные негативные последствия «романовского бума». В 1991 году Авдонин обращается в администрацию Свердловской области с заявлением, в котором утверждает, что ему известно предположительное место захоронения останков последнего императора и его семьи.

Далее события начинают развиваться, по российским меркам, стремительно – стена молчания и запретов рушится. В июле 1991 года прокуратура Свердловской области проводит проверку заявления А. Авдонина и вскрывает указанное им захоронение. В августе 1993 года Генпрокуратура возбуждает уголовное дело, расследование которого поручается старшему прокурору-криминалисту Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации В. Н. Соловьеву. В октябре того же года распоряжением председателя Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдина создается Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая Второго и членов его семьи. В состав комиссии включены известные и уважаемые за свои знания и жизненную позицию личности. Комиссия работает два года и приходит к выводу, что найденные Рябовым останки принадлежат Николаю Романову, его супруге Александре Федоровне, их детям Ольге, Татьяне, Марии, доктору Боткину, лакею Труппу, повару Харитонову и комнатной девушке Демидовой. Останки Анастасии и Алексея в захоронении не найдены, но комиссия объясняет их отсутствие тем, что тела Алексея и Анастасии были сожжены.

17 июля 1998 года останки последнего российского императора, членов его семьи и погибших с ними слуг захоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Казалось бы, что теперь-то уж вся правда известна, все секреты открыты. Россия покаялась, торжественно и скорбно склонила головы над останками безвинно и незаконно убиенных. На церемонии предания останков земле присутствовали представители власти, православного духовенства, близкие родственники Романовых, другие, как принято говорить, официальные лица. Казалось бы, настало время принять случившееся в Екатеринбурге как горький и страшный, но имевший место факт. Теперь любой может прийти в собор и поклониться жертвам далеких исторических событий.

Но ничего подобного не произошло! Тех, кто не верит, что в приделе Петропавловского собора нашли упокоение останки Николая Романова, его семьи и слуг, не стало меньше. И вопрос: «Где они?» – по-прежнему актуален.

А дело в том, что за годы СССР граждане отвыкли верить власти на слово. И, как это ни грустно, новые правители России пока еще ничем не доказали, что не унаследовали от своих предшественников привычку лгать народу всегда, когда им, властям предержащим, это

выгодно. И потому граждане России не спешат принять за истину результаты работы Генеральной прокуратуры и Правительственной комиссии. Людям нужны убедительные, неоспоримые доказательства. Именно по этой причине они критически вчитываются в документы, тщательно анализируя факты.

А факты свидетельствуют, что в данном деле не все чисто. Приведем только два. Факт номер один: на церемонии захоронения останков в приделе Петропавловского собора было много официальных лиц. В том числе президент Российской Федерации. А вот главы Русской православной церкви не было. И это не осталось незамеченным. Возникает вопрос: почему?

Для тех, кто вырос в Советском Союзе, этот факт говорит о многом. Мы всегда знали, что на любом официальном событии, будь то пленум ЦК КПСС, или праздничная демонстрация, или похороны члена Политбюро, – на любом официальном появлении первых лиц государства всегда следует обращать внимание на то, в каком порядке эти лица идут, стоят или рассаживаются. Кто стоит или сидит справа, а кто слева от первого лица, кто во втором ряду, а кто и вовсе отсутствует. Читая очередной некролог о безвременной кончине очередного «выдающегося деятеля КПСС», мы всегда обращали внимание на то, в каком порядке первые лица страны его подписали. Мы всегда знали – это важно для того, чтобы понять, кто сегодня в фаворе, кто на взлете карьеры, кто, наоборот, на ее излете, а по кому уже звонит колокол. Время переменилось, но приобретенная в коммунистическом прошлом страны привычка не потеряла своего значения. И она помогает нам по едва заметным намекам понимать, что в действительности мы наблюдаем. Вне зависимости от того, что нам в данную минуту говорят.

Как могло случиться, что патриарх всея Руси, публично призывавший весь наш народ к покаянию, к отречению от грехов прошлого, не появился на траурной церемонии, как раз и призванной стать покаянием народов России за грехи, совершенные после Октябрьского переворота? Случайность тут исключена. Никакие случайные обстоятельства не могли помешать патриарху появиться в тот день в Петропавловском соборе.

Патриарх мог не принять участия в церемонии только в одном-единственном случае: если он как глава Православной церкви не приемлет происходящее. Если он не согласен с выводами Комиссии. Если он не признает ее результаты. Если он не верит, что в гробиках – действительно останки Романовых. Он не может помешать церемонии, у него нет возможностей, а может быть и смелости, чтобы вслух сказать на весь мир: «Я не могу принимать участия в церемонии, потому что хоронят не тех. Может быть, это останки жертв революции, может быть, и они достойны быть захороненными по-христиански, но они – не те, за кого их выдают. Я не могу участвовать в новом обмане».

Но патриарх ничего не сказал. Он просто не появился на церемонии. Но и это – знак. Для тех, кто видит.

Факт номер два: на церемонии захоронения Православную церковь по поручению патриарха представлял член Священного Синода, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Он провел службу, но при этом из его уст не звучали имена Николая Александровича, Александры Федоровны, не были озвучены имена их детей, не были названы имена погибших вместе с ними. Ни разу митрополит Ювеналий не произнес ни одного имени, но упорно повторял: имена их Бог знает. И тут снова возникает вопрос: почему? Что это означает?

А только то, что для Русской православной церкви это был, видимо, единственно приемлемый способ, не имея возможности уклониться от участия в церемонии, показать свое несогласие с результатами работы комиссии, показать свое отношение к происходящему. Необходимость сохранить лицо заставила вести себя таким образом.

А вопросов к работе Правительственной комиссии было немало – все не перечислить. Почему документы комиссии Б. Немцова не опубликованы полностью? Ведь было обещано... Почему комиссия не только не исследовала, но попросту проигнорировала те факты, которые противоречили ее выводам? Почему молекулярно-генетическое исследование проведено

только по одной-единственной кости? Почему комиссия признает, что на полное сгорание трупа требуется двадцать часов, но игнорирует тот факт, что у большевиков не было и десяти часов на то, чтобы сжечь в Поросенковом логе тела Алексея и Анастасии, хотя, по мнению той же комиссии, эти тела сожжены полностью?

Вопросов много. И все они являются уточняющими к главному: где доказательства того, что найденные Рябовым останки принадлежат Романовым и их слугам? Молекулярно-генетическая экспертиза? Но в 2002 году японские ученые получили противоположные результаты. На основании собственных исследований они категорически заявляют: в Петропавловском соборе захоронены **не Романовы!** В ответ российские ученые опубликовали гневную отповедь, обвинив японцев ни много ни мало **во вмешательстве во внутренние дела России**. Вот так! Вместо научного опровержения полностью открытых материалов японских коллег, вместо поиска новых, на сей раз безусловных доказательств собственной правоты – требование не лезть не в свое дело. Другими словами: если наши ученые объявят, что отныне дважды два – пять, то ученые остального мира не имеют права возразить, не рискуя нарушить суверенитет России.

Но не все ученые и энтузиасты-исследователи России следуют в русле, проложенном Генпрокуратурой и Правительственной комиссией. Известны труды их оппонентов – Ю. А. Буранова, Л. А. Животовского, В. А. Винера, А. П. Мурзина. Будучи добросовестными исследователями, эти ученые не приняли недоказанное за истину.

С момента расстрела царской семьи прошло почти столетие, а тайна ее гибели до сих пор не раскрыта. В приделе Петропавловского собора над захоронениями тех, кого объявили екатеринбургскими узниками, до сих пор возложены временные камни с именами. И это тоже вряд ли случайно.

Прокуратура России и комиссия допустили много ошибок, но самая главная заключается в том, что они полностью доверились молекулярно-генетической экспертизе и не стали анализировать имевшиеся в их распоряжении факты. Они просто проигнорировали все противоречия и несуразности в показаниях и свидетельствах участников тех событий, даже не пытаясь найти им объяснения. Логика прокуратуры и комиссии была проста: если молекулярно-генетическая экспертиза подтвердит, что кости, извлеченные Авдониным и Рябовым из захоронения под мостиком в Поросенковом логе, принадлежат Романовым, то все остальное просто не имеет значения.

Такая логика глубоко порочна. Она создает условия для ошибок. Генетическое исследование – всего лишь один из современных методов, который имеет высокую, но не абсолютную степень достоверности. Прокуратура и комиссия, слепо доверившись генетикам, тем создали идеальные условия как для добросовестного заблуждения, так и для сознательной фальсификации.

У Правительственной комиссии есть заключение генетиков, которые подтвердили: да, это останки Романовых и их слуг. Но не надо быть специалистом в области генетики, чтобы усомниться в выводах экспертизы и, следовательно, в выводах прокуратуры и комиссии. А несогласие с выводами генетической экспертизы со стороны зарубежных специалистов-генетиков убеждает в том, что алгоритм выполненного исследования некорректен. В любом случае, даже при абсолютной достоверности результатов генетических экспертиз и полном к ним доверии нельзя просто не замечать их несоответствия, а порой и прямого противоречия иным – как достоверным, так и вероятным – обстоятельствам дела. А если учесть, что достоверность генетических экспертиз хотя и близка к ста, но все же не сто процентов, а, следовательно, вероятность ошибки такого исследования хотя и мала, но имеет реальную и вполне значимую величину, если учесть все это и ни на одну секунду не забывать, насколько важна в данном конкретном случае абсолютная уверенность в достоверности результата, отказ прокуратуры и комиссии устранить все иные несоответствия и противоречия убеждает в нелегитимности их

выводов и категоричных заключений. И не случайно подписать выводы комиссии отказались несколько ее членов. Значит, не все в этом деле чисто и безупречно. И растет уверенность в том, что интуитивное недоверие к результатам работы комиссии не обманывает.

Не хочется гадать, чем руководствовались «подписанты». Убеждены ли они сами, что найденные останки принадлежат Романовым? Или поддались давлению со стороны властей? Не смогли или не посмели отказаться от подписи, когда им объяснили: насколько важно для возрождающегося Российского государства, чтобы акт покаяния не просто свершился, но свершился немедленно. И умные люди не устояли. Сдались. Подписали. При этом они не могли не понимать, что заменяют прежнюю ложь новой. А значит, ни о каком покаянии не может быть и речи. Там, где есть ложь, о покаянии говорить не приходится.

И еще одно. Не могли члены комиссии Бориса Немцова не понимать, что неправда так или иначе, но обязательно откроется. Пройдет не так уж много времени, и новое поколение исследователей перепроверит результаты комиссии, заново исследует останки еще более совершенными методами. Понимают ли члены комиссии, какими будут результаты тех будущих экспертиз? Отдают ли себе отчет в том, что те исследователи не просто опровергнут сегодняшние результаты, а открыто назовут их подлогом? А значит, в не таком уж и далеком будущем имена членов комиссии и сотрудников прокуратуры будут обесславлены.

Наверное, они это понимают. Но что-то заставило их сделать этот шаг. Впрочем, несложно догадаться, что именно. Стремление к объективности обязывает сделать еще одно допущение. В работе не могли не участвовать труженики «плаща и кинжала». И тогда очень и очень вероятно, что славные компетентные органы заверили прокуратуру и Правительственную комиссию: «Не сомневайтесь: это они. Нашему слову можно верить. Как дело было – рассказать не можем, но за подлинность останков, их принадлежность Романовым мы ручаемся своим чекистским словом».

Могло такое быть? Вполне. Но даже если прокуратура и Комиссия безоговорочно поверили современным чекистам, они обязаны были при этом действовать по старому принципу: «Доверяй, но проверяй!» Этого они не сделали. И потому нет доверия и к ним самим.

Но, может быть, возможность узнать правду о тех событиях есть уже сегодня? Комиссия отказалась беспристрастно и полно проанализировать огромный пласт показаний, свидетельств, достоверных результатов добросовестных предшественников. Не может ли случиться так, что в тех документах присутствуют все или почти все элементы мозаики? Надо только найти их и сложить картинку. Она не будет полной, но в ней окажутся различимы важные детали и оттенки, а главное, будет отчетливо виден общий рисунок.

Вот так автор пришел к решению провести собственное расследование. Он реально оценил свои возможности. В его активе – практически все, что опубликовано по этой теме, в том числе в Интернете. А еще многолетний опыт работы в качестве судебно-медицинского эксперта (читай: эксперта-криминалиста). Автор твердо убежден, что доступных источников в сочетании со специальными знаниями и опытом вполне достаточно для того, чтобы выполнить намеченную работу и чтобы она не оказалась безрезультатной.

В этом расследовании не будет ссылок на архивные материалы: у автора нет доступа к архивам. Он даже не пытался проникнуть в них. Источники информации для расследования широко известны и доступны. Автор последовательно, шаг за шагом пройдет сквозь документы от начала до конца. Он приглашает всех читателей пройти этот путь вместе с ним.

Глава 1

ПОДГОТОВКА РАСТРЕЛА

Про подготовку расстрела и то, как он был выполнен, мы знаем из рассказов исполнителей этой акции и ее свидетелей.

Итак: Екатеринбург, Дом особого назначения, 16 июля, поздний вечер...

М. А. Кудрин (он же Медведев, на 16 июля 1918 года – член Коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии, участник расстрела): *«Совещание закончилось. Юровский, Ермаков и я идем вместе в Дом особого назначения, поднялись на второй этаж в комендантскую комнату – здесь нас ждал чекист Григорий Петрович Никулин (ныне персональный пенсионер, живет в Москве). Закрыли дверь и долго сидели, не зная с чего начать. Нужно было как-то скрыть от Романовых, что их ведут на расстрел. Да и где расстреливать? Кроме того, нас всего четверо, а Романовых с лейб-медиком, поваром, лакеем и горничной – 11 человек!*

Жарко. Ничего не можем придумать. Может быть, когда уснут, забросать комнаты гранатами? Не годится – грохот на весь город, еще подумают, что чехи ворвались в Екатеринбург. Юровский предложил второй вариант: зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределили, кому кого приканчивать. Ждем, когда уснут. Юровский несколько раз выходит к комнатам царя с царицей, великих княжон, прислуги, но все бодрствуют – кажется, они встревожены уводом поваренка.

Перевалило за полночь, стало прохладнее. Наконец во всех комнатах царской семьи погас свет, видно, уснули. Юровский вернулся в комендантскую и предложил третий вариант: посреди ночи разбудить Романовых и попросить их спуститься в комнату первого этажа под предлогом, что на дом готовится нападение анархистов и пули при перестрелке могут случайно залететь на второй этаж, где жили Романовы (царь с царицей и Алексеем – в угловой, а дочери – в соседней комнате с окнами на Вознесенский переулок). Реальной угрозы нападения анархистов в эту ночь уже не было, так как незадолго перед этим мы с Исаем Родзинским разогнали штаб анархистов в особняке инженера Железнова (бывшее Коммерческое собрание) и разоружили анархистские дружины Петра Ивановича Жебенева.

Выбрали комнату в нижнем этаже рядом с кладовой, всего одно зарешеченное окно в сторону Вознесенского переулка (второе от угла дома), обычные полосатые обои, сводчатый потолок, тусклая электролампочка под потолком. Решаем поставить во дворе снаружи дома (двор образован внешним дополнительным забором со стороны проспекта и переулка) грузовик и перед расстрелом завести мотор, чтобы шумом заглушить выстрелы в комнате. Юровский уже предупредил наружную охрану, чтобы не беспокоилась, если услышат выстрелы внутри дома; затем раздали наганы латышам внутренней охраны, – мы сочли разумным привлечь их к операции, чтобы не расстреливать одних членов семьи Романовых на глазах у других. Трое латышей отказались участвовать в расстреле. Начальник охраны Павел Спиридонович Медведев вернул их наганы в комендантскую комнату. В отряде осталось семь человек латышей.

Далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты доктора Боткина и царя, просит одеться, умыться и быть готовыми к спуску в полуподвальное укрытие. Примерно с час Романовы приводят себя в порядок после сна, наконец – около трех часов ночи – они готовы. Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет два нагана и засовывает их за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский „кольт“, а за поясом бельгийский „браунинг“ (оба исторических пистолета – „браунинг“ № 389965 и „кольт“

калибра 45, правительственная модель „С“ № 78517 – я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный „маузер“), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид».

Бросается в глаза красочность описания Кудриным событий той кровавой ночи. Дальше оно станет еще более выразительным. Но если не отвлекаться на художественную сторону кудринских воспоминаний, бросается в глаза безалаберность подготовки к уничтожению узников. До расстрела считанные часы, а они не знают ни способа, каким будут казнить арестантов, ни места, где это будет происходить.

Кроме того, по Кудрину, подготовка комнаты к расстрелу началась практически перед расправой с царской семьей.

А находилась эта комната на первом этаже, под комнатой великих княжон, к которой с востока примыкает комната Николая Александровича и Александры Федоровны, с запада – комната Демидовой. В избранной для расстрела комнате размещались бойцы-пулеметчики из команды Кабанова. А это означает, что там были кровати, другие предметы мебели и личные вещи бойцов. Все это в экстренном порядке выносилось прочь. Как все это согласуется с намерением организаторов «...как-то скрыть от Романовых» подготовку к расстрелу?.. Если в комнате прямо под ними среди ночи слышится шум и гам, топот множества ног, возня, грохот перетаскиваемой мебели? Все это сопровождается командами и соответствующими комментариями в не менее сочных выражениях со стороны неотягощенных образованием и интеллектом исполнителей.

В воспоминаниях Юровского приготовления к операции выглядят совершенно иначе. Вот что он рассказывал в феврале 1934 года на совещании старых большевиков в Екатеринбурге.

Я. М. Юровский (член Коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии, комендант Дома особого назначения, участник расстрела): «15-го июля утром приехал Филипп (Голощекин) и сказал, что завтра надо дело ликвидировать. Поваренка Седнева (мальчик лет 13-ти) убрать и отправить его на бывшую родину или, вообще, в центр РСФСР. Также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут, может быть, будет объявлена, но как, когда и каким порядком, об этом пока никто не знает. Значит, все требовало сугубой осторожности, возможно меньше людей, причем абсолютно надежных.

15-го же я приступил к подготовке, так как надо было это сделать все быстро. Я решил взять столько же людей, сколько было расстреливаемых, всех их собрал, сказав в чем дело, что надо всем к этому подготовиться, что, как только получим окончательные указания, нужно будет умело все провести. Нужно ведь сказать, что заниматься расстрелами людей ведь дело вовсе не такое легкое, как некоторым это может казаться. Это ведь не на фронте происходит, а, так сказать, в „мирной“ обстановке. Тут ведь были не просто кровавые люди, а люди, выполнявшие тяжелый долг революции. Вот почему не случайно произошло такое обстоятельство, что в последний момент двое из латышей отказались – не выдержали характера.

16-го утром я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика-поваренка Седнева. Это вызвало беспокойство арестованных. Неизменный посредник Боткин, а потом и кто-то из дочерей справлялись, куда и зачем, надолго увели Седнева. Алексей-де за ним скучает. Получив объяснение, они уходили как бы успокоенные. Приготовил 12 наганов, распределил, кто кого будет расстреливать. Тов. Филипп (Голощекин) предупредил меня, что в 12-ть часов ночи придет грузовик, приехавшие скажут пароль, их пропустить и им сдать трупы, которые ими будут увезены, чтоб похоронить. Часов в 11-ть вечера 16-го я собрал снова людей, раздал наганы и объявил, что скоро мы должны приступить к ликви-

дации арестованных. Павла Медведева предупредил о тщательной проверке караула снаружи и внутри, о том, чтобы он и разводящий все время наблюдали сами в районе дома и дома, где помещалась наружная охрана, и чтобы держали связь со мной. И что уже только в последний момент, когда все будет готово к расстрелу, предупредить как часовых всех, так и остальную часть команды, что если из дома будут слышны выстрелы, чтобы не беспокоились и не выходили из помещения и что уж если что особенно будет беспокоить, то дать знать мне через установленную связь».

В рассказе Юровского, в отличие от Кудрина, присутствует подготовительный период, который начался за сутки до расстрела. Сразу же бросаются в глаза и другие противоречия в рассказах двух главных исполнителей запланированной экзекуции. Это касается в первую очередь количества привлеченных латышей.

В воспоминаниях **Г. П. Никулина**, помощника Юровского в Доме особого назначения, еще одного участника акции, полезной информации и того меньше: *«Была директива: сделать это без шума, не афишировать, спокойно. Как? Ну, было у нас всяких вариантов несколько. То ли подойти к каждому по количеству членов и просто в кровати выстрелить... То ли пригласить их в порядке проверки в одну из комнат, набросать туда бомб. И последний вариант возник такой, самый, так сказать, удачный, по-моему, — это под видом обороны этого дома (предполагается нападение на дом) пригласить их для их же безопасности спуститься в подвал».*

Юровский подчеркивает: вся процедура уничтожения Романовых должна была проходить по разработанному им плану. Последние детали уточнялись уже в ночь перед расстрелом, когда Юровский, Никулин и Кудрин собрались в комендантской комнате в ожидании прибытия машин, чтобы приступить к выполнению операции. Волнения не было. Всё решалось по революционному оперативному. Потому что задача не представлялась сложной. Это уже потом в своих воспоминаниях Юровский будет говорить, что дело обещало быть непростым. Но в этом он убедился позже, уже в процессе операции. До ее начала он так не считал. Если бы представлял, насколько все непросто, то не было бы той неразберихи, в которую окунулись организаторы, не было бы того ужаса, который пришлось пережить их жертвам.

Из воспоминаний «расстрельщиков» следует, что одним из вариантов расправы над бывшим императором и членами его семьи, который обсуждали Юровский, Кудрин и Никулин, было убийство арестантов спящими. В каждую комнату входят столько убийц, сколько человек в ней находится, и приводят необъявленный приговор в исполнение.

Очевидно, что организаторов привлекала внезапность убийства – им казалось, что такой вариант позволит провести ответственную операцию без ненужного шума. Тем не менее этот план не был принят.

Видимо, убийцам хватило ума, чтобы понять: добиться внезапности не удастся. Во-первых, путь в комнаты Романовых и Демидовой лежал через залу, в которой спали Боткин, Труп и Харитонов. А значит, следовало считаться с тем, что мужчины могли проснуться до того, как все исполнители расправы займут исходные позиции. Да и остальные арестанты едва ли спали сном младенцев. Они могли услышать скрип дверей, среагировать на появление тюремщиков в их комнатах. Кроме того, стрелять пришлось бы в темноте. Да и вообще – стрельба в комнатах второго этажа, окна которых выходят на проспект, не самый удачный вариант. Тут уж говорить о скрытности операции не приходится.

Не лучше была и другая схема: собрать всех в одной комнате и забросать гранатами. Здесь вообще шума не оберешься. Взрывы, звон разбивающихся оконных стекол – нет, такой вариант рассматривать всерьез они не могли.

Возможно, у «расстрельной команды» были и другие предложения, но по каким-то причинам вспоминать о них никто не захотел. В конце концов был утвержден следующий план: под благовидным предлогом привести обреченных в комнату первого этажа, выстроить в ряд;

перед каждым из арестантов становится заранее назначенный убийца, и все по команде стреляют своим жертвам в грудь.

В качестве оружия выбрали револьверы. По этому вопросу споров и разногласий не было. Для расстрела одиннадцати человек в маленькой комнате винтовки не годятся. Почему выбрали револьвер? Потому что у него в расстрельной ситуации есть преимущество перед пистолетом: из барабана не выбрасываются стреляные гильзы. Мы еще увидим, как эта особенность револьвера проявилась во время уничтожения семьи Романовых.

Расстрел решили провести в комнате первого этажа, где размещались пулеметчики из охраны дома. Достоинства этого помещения были очевидны: комната небольшая, полуподвальная, окно расположено очень низко и выходит в переулок. Там можно поставить грузовик с работающим мотором. Машина будет стоять во дворе, а не на улице, это тоже важно – работающий двигатель и стреляющий глушитель замаскируют звуки выстрелов.

Организаторы убийства понимали, что размеры комнаты должны быть такими, чтобы жертвы не имели возможности разбежаться или спрятаться, а исполнители могли без напряжения контролировать пространство. То есть комната должна быть небольшой. Но ни Юровский, ни его товарищи не обратили внимания на то, что выбранная ими комната не просто небольшая – она очень маленькая. И по этой причине не годится для решения поставленной задачи. Несоответствие размеров комнаты количеству жертв и избранной методике их уничтожения обнаружится в ходе расстрела и доставит Юровскому и иже с ним массу неудобств. Арестантов же просчет организаторов обрежет на нечеловеческие муки.

Итак, план расстрела был принят. Очевидно, что тогда же было решено, что делать с трупами. Здесь никто не видел большой сложности – опыт уничтожения неугодных новой власти уже имелся. Обычно большевики не утруждали себя ни рытьем могил для своих жертв, ни маскировкой их захоронений. Как правило, тела убитых бросали в заброшенные шахты, но иногда оставляли в придорожных канавах, лишь слегка прикрыв хворостом.

Местом, куда было решено вывезти трупы, был определен лес у деревни Коптяки. Окрестности города лучше всех из большевистского руководства знал Петр Ермаков. Возможно, именно он и сказал Юровскому про Коптяковский лес. Яков Михайлович съездил, посмотрел. Потом съездил еще раз, уже с Голощекиным. И место, где будет проведено сокрытие трупов, утвердили.

Пока неясно, каким способом намеревались избавиться от трупов. Сбросить в шахту? Закопать? Обезобразить тела до неузнаваемости? Или полностью их уничтожить? Если последнее, то опять же: каким образом?

Неясно и что получилось в итоге: «расстрельщики» действовали по заранее намеченному плану, по ходу дела внося в него коррективы, или это была чистой воды импровизация?

На все эти вопросы мы будем искать ответы позднее.

Пока же мы можем смело утверждать, что слова Юровского о тщательной разработке операции по уничтожению семьи Романовых ничем не подтверждаются. Как можно говорить о тщательности, когда допущены столь значительные промахи? Место расстрела и оружие были выбраны крайне неудачно. Комната оказалась слишком мала для того, чтобы провести расстрел по задуманной схеме: одиннадцать исполнителей практически одновременно стреляют в грудь одиннадцати арестантам. Это стало причиной того, что сам Юровский назвал «безалаберной стрельбой» и обрекло жертвы на мучительную смерть.

Теперь о скрытности. Из воспоминаний участников расстрела со всей очевидностью следует, что о скрытности операции ни Юровский, ни его начальство особенно не задумывались. Лишнего шума не хотели – это да, но каких-то серьезных и продуманных действий по сохранению убийства в тайне не предпринималось. Расстрел в полуподвальной комнате, грузовик с работающим мотором под окном – вот и все мероприятия, чтобы обеспечить скрытность на этом этапе операции. Пока же, забегая вперед, отметим, что место, где совершались какие-то

действия над трупами, было «засвечено» с самого начала. Белогвардейские следователи обнаружили его без малейшего труда.

Справедливости ради мы должны признать: если бы у Голощекина, Юровского и иже с ними была акцентированная цель убить Романовых так, чтобы никто и никогда не узнал, где, когда и как это произошло, – они смогли бы это организовать. Люди неглупые. Но для этого требовалось, чтобы задача была сформулирована соответствующим образом. Для этого кто-то (Ленин? Свердлов?) должен был сказать Голощекину, а тот, в свою очередь, Юровскому примерно следующее: «Сделай все тихо. Так, чтобы никто ничего не увидел, не услышал, ни о чем не догадался. И трупы спрячь так, чтобы никогда не нашли ни их, ни того места, где мы с ними разобрались. Головой отвечаешь». Вот тогда Юровский всерьез думал бы о скрытности. И можно не сомневаться – сделал бы все так, чтобы комар носа не подточил.

Очевидно, что такой строгой установки Юровский не получил. Потому что Голощекин не видел в предстоящей операции ничего из ряда вон выходящего. Всего-то и делов: расстрелять одиннадцать человек. Сколько уже всякого разного люда расстреляно... Да, царь, да, с семьей, но они такие же люди, как и все. И жизнь в них держится ничуть не крепче, чем в мелком дворянчике или в простолюдине. Нет, задача уничтожения Романовых не виделась сложной. Потому и команда Юровскому была дана самая общая: всех уничтожить, а тела спрятать. Как задача была сформулирована, так и готовилось ее исполнение. Как это выглядело на практике, мы увидим дальше.

Последние пятнадцать минут

Мы опустим события, связанные с ожиданием Юровским команды начать операцию и с затянувшимся за полночь прибытием автомобиля. Эти два очень важных обстоятельства мы рассмотрим несколько позже.

Семью Романовых разбудили под тем предлогом, что в связи с наступлением белых оставаться в доме опасно и узникам предстоит переезд в другое место, а пока им нужно незамедлительно перейти в более безопасную комнату на первом этаже. Несмотря на это, сборы семьи не были спешными и заняли около часа.

Скорбный путь узников в расстрельную комнату описали охранники Дома особого назначения Якимов, Павел Медведев и Сухоруков, а также Михаил Медведев (Кудрин). У остальных участников и свидетелей расстрела эти события либо упомянуты вскользь, либо лишены важного для расследования описательного характера.

М. А. Медведев (Кудрин): *«Выходим на лестничную площадку второго этажа. Юровский уходит в царские покои, затем возвращается – следом за ним гуськом идут: Николай 2-й (он несет на руках Алексея; у мальчика несвертывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам; за царем идут, шуриша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери... за девушками идут мужчины: доктор Боткин, повар, лакей, несет белые подушки высокая горничная царицы, на лестничной площадке стоит чучело медведицы с двумя медвежатами. Почему-то все крестятся, проходя мимо чучела, перед спуском вниз».*

А. А. Сухоруков (охранник в Доме особого назначения): *«Царь на руках несет своего сына дегенерата царевича Алексея. Царевна дочь Анастасия несет на руках маленькую курносую собачку; экс-императрица под ручку со своей старшей дочерью – Ольгой».*

П. С. Медведев (начальник охраны в Доме особого назначения): *«Впереди шел Государь с Наследником, за ним – Царица, дочери и остальные».*

А. А. Якимов (охранник в Доме особого назначения): *«Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь».*

Удивительно, но у всех рассказчиков описание порядка, в каком шли на расстрел обреченные, совпадает практически полностью. У нас будет возможность еще больше удивиться этому обстоятельству, когда мы столкнемся с весьма серьезными расхождениями в их описании расположения обреченных в расстрельной комнате. Почему-то всего через несколько минут память странным образом изменит очевидцам, и они начнут говорить каждый по-своему.

Но сейчас они едины. Впереди шел царь и нес на руках Алексея. За ним шла Александра Федоровна. Сухоруков даже запомнил, что она шла под руку с Ольгой. И мы этому верим. Потому что такие, на первый взгляд, малозначительные детали являются лучшим доказательством правдивости слов рассказчика. Вспоминая давние события, человек словно бы видит перед глазами сцену, о которой рассказывает, и тут память услужливо преподносит ему маленькие штрихи общей картины. Сухорукову она напомнила о том, что царица шла под руку с дочерью. И еще о маленькой курносой собачке на руках Анастасии. Это важно. Не потому, что выглядит очень трогательно: уходя на смерть, девушка прижимает к себе маленький теплый и бесконечно преданный ей комочек. Это важно еще и потому, что руки у Анастасии по пути со второго этажа на первый были заняты. Это следует запомнить.

Итак, вывод об этом этапе «акции» однозначен. Семья шла в таком порядке: Император с Наследником, Императрица с Ольгой, три другие дочери, Боткин. В каком порядке идут Харитонов и Трупп – неясно: то ли Харитонов впереди, то ли наоборот. Но это не такая уж важная деталь. Бесспорно, что все внимание было сосредоточено на членах семьи. Как бы ни были

бесчувственны убийцы, но в их головах, видимо, все же мелькала мысль: ведь эти люди еще не знают, что живут последние минуты. Николай и Алексей не знают, что это последние мгновения непосредственной близости нежно любящих друг друга отца и сына. Не знают Александра Федоровна и Ольга, что в последний раз чувствуют тепло ладоней друг друга, а затем тепло жизни уйдет из них навсегда... Не знает Анастасия, что мягкая шерсть собачки скоро покроется липкой корочкой ее, Анастасии, кровью.

Ничего этого они не знают. Но, возможно, чувствуют приближение опасности. Как бы ни были бесчувственны убийцы, смертельная угроза не могла не мелькать в их холодных, без блеска, глазах. Эта угроза не могла не проявиться в движениях, позах и репликах. Или, наоборот, в молчании обычно разговорчивых тюремщиков. Палачи сознавали себя избранными, потому что революция доверила им дело чрезвычайной важности – уничтожить царскую семью. Не думаю, что им удалось скрыть от внимательных глаз Николая Александровича и Александры Федоровны распиравшую их гордость. Не могли царь и его супруга не заметить, что окружившие их люди ведут себя необычно. И не могли не заподозрить, что тюремщики, поднявшие их среди ночи, задумали что-то крайне опасное для семьи. Не могли не обратить внимания на противоречивые объяснения полуночной побудки. Один (Юровский) говорит, что спуститься вниз вынуждает угроза штурма Дома особого назначения и необходимость укрыться от опасности в нижнем этаже. Другой (Ермаков) тоже толкует про угрозу атаки, но говорит еще и о необходимости переезда в более безопасное место. В то же время семье не разрешают взять с собой вещи.

Было множество мелких фактов и фактиков, которые не упомянули тюремщики, но которые всегда четко фиксируют и мгновенно оценивают арестанты. В условиях ограничения свободы передвижения, в условиях, когда всё, в том числе и сама жизнь, зависит порой от того, насколько своевременно и правильно ты способен разглядеть грозящую опасность, – в такой ситуации заключенные становятся очень проницательными. Романовы чувствовали, что их ожидает что-то страшное. Потому и перекрестилась Александра Федоровна – перед тем как ступить на первую ступеньку лестницы. Вслед за матерью осенили себя крестным знамением дочери.

Обреченные спустились со второго этажа, пересекли анфиладу комнат первого этажа и зашли в комнату, которую их палачи выбрали местом экзекуции.

Как они были одеты?

Начиная свое исследование, автор намеревался последовательно, шаг за шагом пройти путь, который проделали обреченные от своих спальных комнат до комнаты первого этажа, а потом проследить путь, по которому провезли и протащили их тела до места их последнего пристанища. Но уже в самом начале работы стало очевидно, что такая цель недостижима. Чтобы разобраться в противоречиях, которыми полны воспоминания убийц, чтобы не запутаться в умышленно подброшенной в воспоминания лжи, чтобы не опустить руки в признание того, что исследование обречено на неудачу из-за не выявленных своевременно и потому безвозвратно утерянных фактов, необходимо отступать от хронологии. И подкреплять свои выводы о событиях, происходивших на ранних этапах большевистской операции, данными более поздних эпизодов той ночи. Вот и сейчас, чтобы решить вопрос, как были одеты обреченные, ограничиться только свидетельствами убийц – значит отложить решение вопроса. Это неправильно. Важно уже сейчас знать, как они были одеты. Это поможет понять ход последующих событий.

Что же говорят убийцы об одежде арестантов? Об этом высказался только один из них.

П. С. Медведев: *«Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами».*

Одного свидетельства крайне недостаточно для того, чтобы сделать определенный вывод. Это еще одна причина, чтобы отступить от строгой последовательности событий и заглянуть в результаты следствия, проведенного, когда большевики оставили Екатеринбург. В кострах у открытой шахты и в самой шахте среди прочего было найдено (далее перечислено только то, что безусловно относится к верхней одежде):

- кусочки шинельного сукна от шинелей Императора и Наследника;
- два обруча от фуражек (Императора и Наследника);
- пуговицы от синих дорожных костюмов Великих княжон;
- кусочки сукна от пальто доктора Боткина. Невольно напрашивается вопрос: почему

Медведев так уверенно говорит о гимнастерках и фуражках императора и наследника, о платьях и непокрытых головах императрицы и княжон, когда это заведомо неправда? У всякой лжи есть цель. Но сколько-нибудь правдоподобное объяснение этой лжи найти нелегко.

Нет сомнений, что Романовы в эту ночь оделись так, как оделся бы любой, кто собирается в неведомую дорогу. Им не разрешили брать с собой вещи, но не регламентировали, что можно надеть на себя. И Романовы совершенно справедливо решили на всякий случай одеться по возможности теплее. Последняя запись в дневнике императрицы сделана перед отходом ко сну 16 июля и посвящена температуре воздуха: 15 градусов. Это было вечером. Ночью температура понизилась. Что ждет, куда повезут – неизвестно. Оделись не столько по погоде, сколько по здравому смыслу.

У Императрицы и княжон были и другие основания для того, чтобы выйти из комнат не в одних только платьях, как утверждает П. Медведев. Чтобы сберечь от расхищения свои драгоценности, Императрица и дочери зашили их в лифчики, пуговицы костюмов, ленты шляпок и т. д. И старались не оставлять эти вещи без присмотра. Они даже гуляли по очереди. По этой причине Александра Федоровна, чтобы позволить детям подольше быть на воздухе (а время прогулок с приходом на пост коменданта Юровского было урезано), нередко отказывалась от прогулок, мотивируя отказ нездоровьем. Они не могли уберечься от откровенного грабежа, но старались не допустить хотя бы кражи. В эту ночь от них потребовали, чтобы они спустились вниз все вместе. Отказаться от «прогулки» было невозможно. Не могли Александра Федоровна и дочери выйти в платьях: было бы слишком очевидно, что под платьями что-то есть. По сло-

вам Юровского, драгоценных камней и золота в одежде Императрицы и княжон было около восьми килограммов. Чтобы сделать драгоценности менее заметными для жадных глаз своих тюремщиков, они оделись в костюмы. И для возможного путешествия неплохо, и для сохранности драгоценностей тоже. О других причинах, побудивших Романовых тепло одеться и взять с собой подушки, – чуть позже.

Что бы ни говорили убийцы, но одеты Романовы были так, словно собирались в дорогу.

Подушки, собачка, сумочка

Что было в руках обреченных на смерть? Без каких предметов они, разбуженные среди ночи, не могли выйти из своих комнат? И не могут ли предметы в их руках подтвердить или опровергнуть предлагаемую нам организаторами убийства версию о том, как это было? Данное убийцами описание позволяет найти ответ на этот вопрос.

Я. М. Юровский: *«Хотя я их предупредил через Боткина, что им с собой брать ничего не надо, они, однако, набрали какую-то разную мелочь, подушки, сумочки и т. д. и, кажется, маленькую собачку».*

М. А. Медведев (Кудрин): *«...несет белые подушки высокая горничная царицы».*

И далее он же: *«...ближе к правой арке, на подушечку села царица».*

И еще: *«Свет лампочки настолько слаб, что стоящие у противоположной закрытой двери две женские фигуры временами кажутся силуэтами, и только в руках горничной отчетливо белеют две большие подушки».*

П. С. Медведев: *«Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки».*

Он же: *«У служанки была с собой в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены с собой и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую – на сиденье стула Наследника».*

А. А. Якимов: *«Подушек Клещев с Дерябиным насчитали две. Одна была у Демидовой в руках. У кого была другая, они не говорили».*

Больших подушек было две. Утверждать столь категорично позволяет то, что о двух подушках говорят оба Медведева и Якимов (со слов Клещева и Дерябина). Подушки несла Демидова, и они оставались у нее до самого начала стрельбы.

А маленькие подушечки находились в руках только дочерей Николая Александровича. Но не у всех. П. Медведев говорит, что подушечки несли «некоторые». Мы даже можем с высокой степенью достоверности предположить, кто именно нес подушечки. Едва ли это была Ольга. Она самая старшая и в скорбном шествии идет под руку с мамой. Сомнительно, что в другой руке у нее была подушечка. То же можно сказать и про Анастасию. Она наоборот, самая младшая, и в ее руках собачка. А вот руки Татьяны и Марии свободны. Скорее всего, именно они несли подушечки. Уже там, в комнате, одна из них заботливо положит подушечку на стул Александры Федоровны. Почему-то думается, что это была Татьяна. Она в семье – самая близкая к матери. И в ее характере больше материнских черт, чем у ее сестер. Она и встала потом ближе к матери, чем к отцу. А вторую подушечку положит на стул (кресло?) Алексея другая сестра. Наверное, это будет Мария.

Итак, в руках Татьяны и Марии были подушечки. Анастасия несла на руках свою любимую собачку Джемми. А еще у кого-то была с собой сумочка. В перечне вещей, найденных на руднике в урочище Четырех Братьев, следователь Соколов под номером 42 называет «части сумочки или портмоне». Кроме того, на руднике найдены целые флакончики из-под солей и их осколки. Не в руках же несли дамы флакончики. Была сумочка. И была она, скорее всего, у Ольги. Больше нести сумочку было некому.

Вот так, с подушками, подушечками и сумочкой в руках, да еще с маленькой собачкой и вошли они в ТУ КОМНАТУ.

Комната

У сегодняшнего исследователя нет возможности побывать на месте происшествия, с тем чтобы увидеть его собственными глазами и зафиксировать все важные, с его точки зрения, детали и особенности, которые станут ключом к разгадке спрятанной за ними тайны. Ипатьевского дома давно уже нет. Вся надежда – на документы.

Комната, где, согласно всем данным, был произведен расстрел семьи, находилась в первом этаже дома. Схематический рисунок дома представлен, в частности, в книге Н. Соколова «Убийство царской семьи». Эта почти квадратная комната находится на первом этаже дома. Ее единственное окно выходит на юг. В западной стене комнаты есть двустворчатая дверь, которая соединяет ее с прихожей. Дверь, судя по фотографиям в книге Соколова и по описанию повреждений на ней, открывалась внутрь. В углах комнаты имелись столбы двух арок, которые были поставлены для того, чтобы принять на себя вес второго этажа дома. Столбы на схеме и на фотографиях представляются в сечении примерно квадратными. В южной стене комнаты – широкое окно. У Соколова написано, что оно почти полностью занимает южную стену. Судя по последующему описанию повреждений в южной стене, окно отстоит от угловых арок примерно на один метр. В восточной стене к южной арке примыкает двустворчатая дверь, которая ведет в кладовую. Сама восточная стена деревянная, толщина досок 3 см. Северная стена на момент осмотра места происшествия следователями не имела никаких следов разыгравшейся в этом помещении трагедии и потому была оставлена ими без внимания.

У нас есть возможность узнать точные размеры комнаты. У М. Касвинова в книге «Двадцать три ступени вниз» написано: «Площадь ее 6 x 5 метров». У Н. Соколова указаны другие цифры: «Ее размеры 7 аршин 8 вершков и 6 аршин 4 вершка». В переводе на более понятные единицы измерения – 5,32 x 4,44 м. Данные Н. Соколова существенно отличаются от указанных М. Касвиновым. В дальнейшем исследовании мы будем руководствоваться измерениями следователя.

«Встать в один ряд!»

Теперь, когда размеры комнаты известны, можно переходить к анализу расположения в ней жертв и убийц. В записке Я. Юровского, датированной 1920 годом, размещение жертв перед расстрелом описано скупо и неполно.

Я. М. Юровский: *«Ком велел принести два стула. Ник. посадил на один А-я, на другой села А. Ф. Остальным ком. велел встать в ряд».*

Описание крайне скудное. Из него можно сделать лишь один вывод: Юровский предпринял попытку выстроить свои жертвы в один ряд. Такое решение вполне согласуется с планом Юровского: каждому из обреченных – собственный палач, стрелять во всех одновременно, стрелять в грудь. Тогда, как предполагал Юровский, все пройдет быстро и гладко, без паники и шума.

Но Юровский оставил еще один документ. В своем выступлении перед старыми большевиками в 1934 году он оказался более внимательным к важным для нас деталям: «... я им предложил встать по стенке... А. Ф. сказала: „Здесь даже стульев нет“. Алексея нес на руках Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из которых по правой стороне от входа к окну почти в угол села Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея... Николай посадив Алексея встал так, что собою его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.